

HAL
open science

Акациры: северная окраина кочевой степи после Аттилы

Michel Kazanski, Anna Mastykova

► **To cite this version:**

Michel Kazanski, Anna Mastykova. Акациры: северная окраина кочевой степи после Аттилы. Brief Communications of the Institute of Archaeology, 2022, 267, pp.231-241. <hal-03817625>

HAL Id: hal-03817625

<https://hal.science/hal-03817625>

Submitted on 17 Oct 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

267

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
267

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2022

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 267. 2022

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.
Специальность 5.6.3. Археология.

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
акад. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.267

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2022
© Авторы статей, 2022

М. М. Казанский, А. В. Мастыкова

АКАЦИРЫ: СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА КОЧЕВОЙ СТЕПИ ПОСЛЕ АТТИЛЫ¹

Резюме. Рассматривается географическая локализация гуннского народа акациры (*Akatirōv, gens Acatzirorum*) в эпоху Великого переселения народов. В эпоху Аттилы, в 440-е гг., этот народ проживал в восточной части степей Северного Причерноморья, скорее всего, в бассейне Нижнего Дона. Впоследствии, около 463 г., в результате войны с сарагурами, оногурами и урогами акациры вытеснены на север, на окраину степи в бассейне Верхнего и Среднего Дона и на Левобережье Днепра. Для позднего гуннского и постгуннского периодов здесь известны единичные захоронения под курганами, типичные для степных кочевников того времени. Видимо, они и являются археологическими следами акацир. В письменных источниках акациры характеризуются как сильный народ (*fortissimo gens*). Скорее всего, это означает, что акациры смогли объединить в свой союз не только кочевников, но и оседлых варваров Верхнего Дона и бассейна Оки.

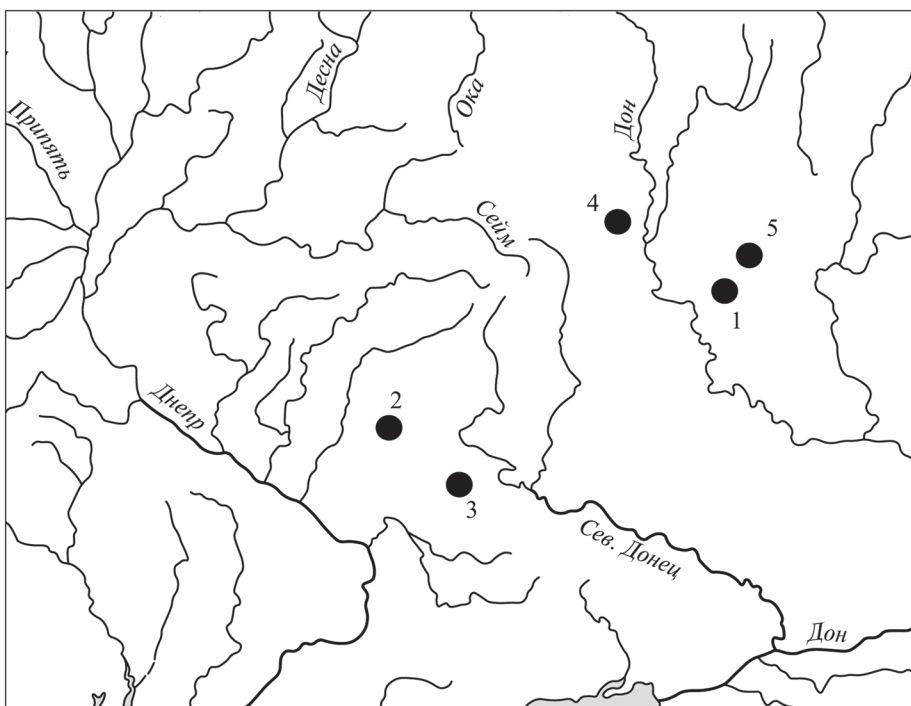
Ключевые слова: акациры, гунны, гуннский и постгуннский периоды, Великое переселение народов, кочевники.

Данная работа посвящена уточнению географической локализации народа акациры (*Akatirōv, gens Acatzirorum*) в эпоху Великого переселения народов, точнее, в постгуннское время (рис. 1: А). Будет также предпринята попытка идентификации археологических памятников на северной окраине восточно-европейской степи, связанных с акацирами (рис. 1: Б). В археологической периодизации Барбарикума – это памятники позднегуннского горизонта Смолин (430/440–470/480 гг.) и памятники постгуннского горизонта Шипово (430/440–530/570 гг.) (Мастыкова, 2009. С. 19).

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму».

А

Б

Рис. 1. Степные народы в постгунское время (А) и карта степных памятников позднегунского и постгунского времени (Б)

1 – Новая Чигла; 2 – Лихачевка; 3 – Константиноград; 4 – Подклетное; 5 – Студенец.
Ввиду масштаба карты локализация памятников приближительна

Об акацирах наиболее полную информацию дает Приск, автор V в. (Приск Панийский, Готская история), они также упоминаются в этногеографическом описании Скифии у Иордана, возможно, заимствованном у Кассиодора (о дате этого текста см. ниже) (Иордан, 37), и, наконец, в Космографии Равеннского Анонима, написанной около 700 г. под большим влиянием трудов Иордана (Космография Равеннского Анонима, IV, 1; цит. по: Подосинов, 2002. С. 191). Здесь акациры (*Chazaros super scriptus Iordanis Agaziros vocat*) уравниваются с хазарами и указано, что через их страну течет р. Куфис, т. е. Кубань (Космография Равеннского Анонима, IV, 1; цит. по: Там же). Видимо, последнее обстоятельство заимствовано из какого-то позднего источника (Там же. С. 248), касающегося непосредственно хазар.

На основании этих сведений древних авторов сегодня и реконструируется в общих чертах история акацир. По Приску, в эпоху Атиллы они жили где-то в «припонтийской Скифии», т. е. в Северном Причерноморье, на восток не далее бассейна Дона (по представлениям античных географов, за Доном начиналась Сарматия) (Приск, фр. 8; цит. по: Латышев, 1890. С. 829). Приск акациров иногда называет гуннами, но чаще он именует их «скифами», как, впрочем, и остальных гуннов.

Акациры, несомненно, представляли большой союз (Артамонов, 1962. С. 55; Томпсон, 2008. С. 120), ими правят много вождей «по коленам и родам», с жесткой иерархией кланов (так называемое сложное вожжество). Поэтому, когда они получают дипломатические подарки от римлян, розданные не «по чину», обиженный предводитель Куридах², старший во власти, которого ромеи, видимо, по незнанию, обошли, тут же доносит об этом Атилле. Владелец гуннов обрушивает на акацир военные репрессии и для их проведения направляет туда военачальника Онигисия (см. рассказ грека, встреченного Приском в ставке Атиллы: Приск, фр. 8; цит. по: Латышев, 1890. С. 829). Таким образом, около 448 г. акациры попадают в подчинение, вместе с другими варварами, старшему сыну Атиллы, как считается, Эллаку (Приск, фр. 8; цит. по: Латышев, 1890. С. 823; Altheim, 1952. P. 141; Артамонов, 1962. С. 55; Томпсон, 2008. С. 120). Этот Эллак погибает в битве при Недао в 454/455 г. (Иордан, 262, 263).

Два обстоятельства позволяют предположить, что в эпоху Атиллы акациры проживали именно в восточной части припонтийской Скифии. Во-первых, они никак не упоминаются в рассказе Приска о походе «царских» скифов Васиха и Курсиха (ранее 433 г.) на Иран, которые, при любом из возможных маршрутов их экспедиции, пересекли западную часть припонтийских степей (подробнее: Казанский, Мастыкова, 2009а. С. 123, 124). Во-вторых, перед 463 г. акациры подверглись нападению союза сарагур, оногур и урогов (см. ниже) которые, по совокупности сведений о них в источниках, действуют в восточной половине европейского степного пояса, от Кавказа до Приазовья и не приближаются к степям Северо-Западного Причерноморья. Кстати, в северо-восточной части причерноморских степей, в бассейне Нижнего Дона хорошо представлены

² На основании тюркских языков его имя иногда читают как «предводитель пешего войска», см.: Altheim, 1952. P. 152. О. Менхен-Хельфен полагает, что это тюркское имя – от *qurtaq, qurt* – «волк» (Менхен-Хельфен, 2014. С. 422).

древности кочевников гуннского времени. Это такие находки, как Павловка (Сулин) (*Кропоткин*, 1970. Рис. 55: 2, 3; *Bóna*, 2002. Fig. 144: 1–3) (рис. 2: 10–13), Верхне-Яблочный (*Засецкая*, 1994. Табл. 25: 3) (рис. 2: 8, 9), Ивановская (Там же. Рис. 21: 1) (рис. 2: 14), Елизаветовское (*Иванов*, 2001) (рис. 2: 1–7), Цимлянское (*Круглов*, 2021).

В 463 г. посольство от сарагур, оногур и урогов (угров?) появляется в Константинополе. Перед этим, т. е. в конце 450-х – начале 460-х гг., они побили акацир (Приск, фр. 30; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 841, 842; см.: *Артамонов*, 1962. С. 76)³ и, вероятно, заняли их земли. Поскольку руководили коалицией сарагуры, они и названы в качестве победителей акацир, хотя в дальнейшем сарагуры действуют только на Кавказе. Есть все основания полагать, что территории акацир в степях припонтийской Скифии заняли не сарагуры, а оногуры (подробнее: *Казанский*, 2016).

Акациры же оказались оттесненными куда-то на север, о чем свидетельствует Иордан (или его предшественник Кассиодор) в своем описании Скифии, где акациры оказываются соседями прибалтийских эстиев, проживающих к востоку от устья Вислы (Иордан, 36). Акациры, по Иордану, – «сильнейший народ» (*fortissimo gens*), т. е. должны бы занимать значительную территорию (Иордан, 37). Их зона, по мнению большинства современных исследователей, должна была находиться на некотором удалении от Черного моря, скорее всего, к востоку от Днепра (рис. 1: А) (*Фурасьев*, 2013. С. 188. Рис. 2; *Обломский*, 2014. Рис. 3; *Казанский*, 2020. Рис. 25: 2).

«Ниже» акацир, судя по контексту, к юго-западу от них, явно недалеко от римских границ, над Понтийским морем проживают болгары (Иордан, 37). Впрочем, иногда утверждается, что акациры жили западнее болгар в Поднепровье (*Артамонов*, 1962. С. 56, 84) или же в Северо-Западном Причерноморье, даже указывается нижнее течение Южного Буга и Днестра (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 416, 417)⁴. Но тогда непонятно, почему болгар, а не *fortissimo gens* акацир «весьма прославили несчастья [совершившиеся] по грехам нашим» (Иордан, 37). Действительно, болгары в постгуннское время часто нападают на Империю (см. ниже), что указывает на их близость границам, а акациры – никогда. Акациры вообще особой роли в событиях в Северном Причерноморье в постгуннское время не играют, несмотря на то, что это «сильный» народ, видимо, по причине их удаленности. Поэтому можно предположить, что они были отброшены на северную окраину степи в бассейн Дона или в междуречье Дона и Днепра (*Ромашов*, 2001. С. 263).

³ Младший сын Атиллы Эрнак (Ирнах) не участвовал в военных операциях и политических демаршах сыновей Атиллы на Нижнем Дунае, поскольку был занят местными войнами (Приск, фр. 36; цит. по: *Латышев*, 1890. С. 843). По М. И. Артамонову, он как раз отражал нашествия сарагур и их союзников (*Артамонов*, 1962. С. 62). Но, по Иордану, сын Атиллы Эрнак (Ирнах) со своей ордой занимает «удаленную часть Малой Скифии», т. е. остается на западной окраине гуннской степи (Иордан, 263) и никакого отношения к акацирам не имеет. Кто же правил у акацир после смерти Эллака, неизвестно.

⁴ Впрочем, О. Менхен-Хельфен главным в своем определении местоположения акацир считал не точную географическую привязку, а их степную локализацию (*Менхен-Хельфен*, 2014. С. 417).

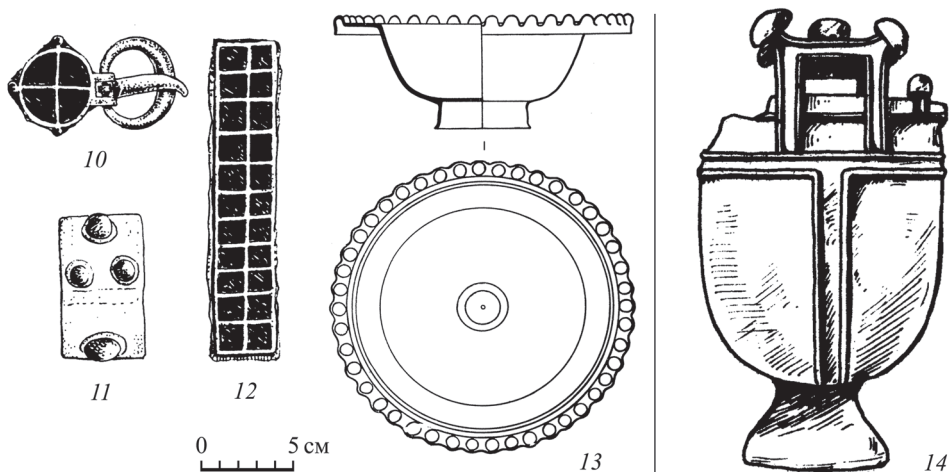
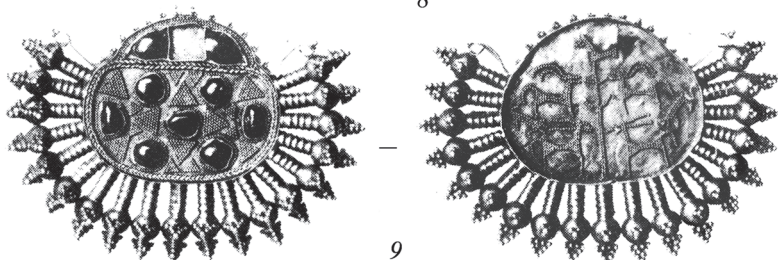
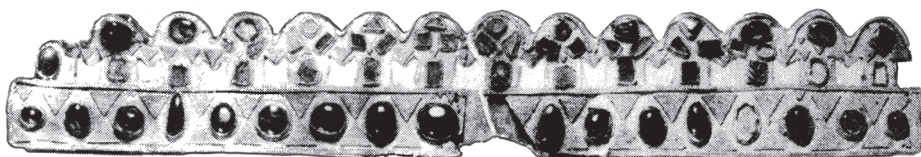
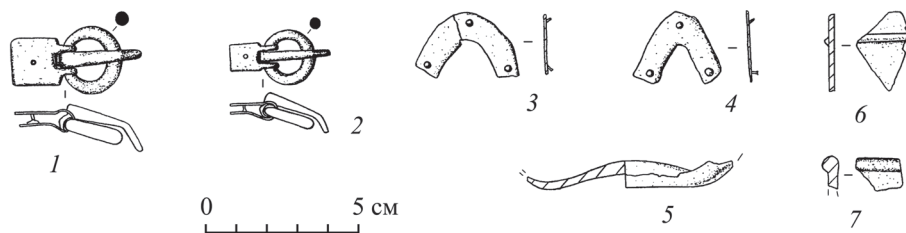

Рис. 2. Находки гуннского времени на Нижнем Дону

1-7 – Елизаветовское; 8, 9 – Верхне-Яблочный; 10-13 – Павловка-Сулин; 14 – Ивановская
 (1-7 – по: Иванов, 2001. Рис. 1; 8, 9 – по: Засецкая, 1994. Табл. 25: 3; 10-12 – по: Вона, 2002.
 Fig. 144: 1-3; 13 – по: Кропоткин, 1970. Рис. 55: 2, 3; 14 – по: Засецкая, 1994. Рис. 21: 1)

По нашему мнению, Иордан дает этногеографическое описание Скифии между 490-ми и 520-ми гг., скорее всего, заимствованное у Кассиодора или какого-нибудь другого автора⁵. Действительно, он упоминает болгар, впервые появившихся на северном рубеже Империи в 480 г. (*Артамонов*, 1962. С. 80). Это дата и должна определять *terminus post quem* этногеографии Иордана. Болгары совершают ряд опустошительных набегов на Дунай в 491, 499, 502, 530 и 537 гг. (Там же. С. 80, 81), что и отразил Иордан в упоминании о «грехах наших», но он не знает кутригур и утигур, доминировавших в понтийских степях в 550-е гг. Поскольку Иордан прямо говорит о враждебных действиях болгар, дата составления данного текста может быть отодвинута ко времени после 491 г. *Terminus ante quem* определяется сообщением об антах за Днестром. До 527 г. единственный серьезный поход за Дунай анты совершили при Юстине, т. е. в 518–527 гг., но были разбиты (*Прокопий Кесарийский*, Война с готами, III.40.6). Их ежегодные нападения начинаются с царствия Юстиниана в 527 г. (*Прокопий Кесарийский*, Тайная история 18.20), что возможно лишь при проживании недалеко от границы (подробнее: *Казанский*, 2014. С. 77). Видимо, до 527 г. антов на дунайской границе не было, что и показано в описании Иордана.

Странное соседство акацир с приморскими эстиями в свое время послужило основанием локализовать акацир и на севере Правобережной Украины, под Коростенем, и даже в Южной Прибалтике (*Томпсон*, 2008. С. 119). Также допускается, что предшественник Иордана Кассиодор получил эту информацию от посольства эстиев, прибывшего в Равенну к Теодориху Великому (*Фурасьев*, 2013. С. 191). Но, вероятнее всего, такая локализация акацир и эстиев у Иордана объясняется незнанием древними авторами территории между Южной Балтикой и Днепровско-Донскими степями. Действительно, с точки зрения позднеантичных географов, Восточная Европа представляла собой довольно узкую полосу суши между северным Океаном (Балтикой) и Меотидой (*Джаксон и др.*, 2007. С. 23). На такой карте приазовские степняки неизбежно оказывались соседями прибалтийских народов (наглядно: *Фурасьев*, 2013. Рис. 1; *Обломский*, 2014. Рис. 2). Локализовать же акацир где-нибудь в лесной зоне, к югу и востоку от эстиев, не позволяет и прямое указание Иордана о том, что народ акацир «не ведает злаков» (Иордан, 37). Мы к этому вопросу еще вернемся, здесь же важно уточнить, что все без исключения соседи эстиев вполне «ведали злаки», как это однозначно демонстрирует археологический материал. В целом же в лесной полосе Восточной Европы того времени с земледелием не были знакомы разве что финские обитатели северной кромки этой зоны, где-нибудь на территории современных Архангельской области, Карелии и Северной Финляндии, но вряд ли их имел в виду Иордан при описании акацир. В полной мере это относится и к оседлому населению Верхней Оки, где А. Г. Фурасьев размещает акацир постгуннского времени (*Фурасьев*, 2013. С. 193. Рис. 2). Впрочем, исследователь занимает довольно осторожную позицию и обоснованно предполагает, что в военно-политическую орбиту акацир могли попасть разные народы, в том числе и оседлые варвары Верхнеокско-Донского региона (Там же. С. 193, 194).

⁵ Об этнополитической ситуации в черноморских степях в V в. см.: *Засецкая и др.*, 2007. С. 102–105; *Казанский*, 2020. С. 115–118.

Акациры, несомненно, кочевой народ (Томпсон, 2008. С. 119), об этом свидетельствует как само их проживание в степях припонтийской Скифии, где значительного оседлого населения с V в. не было⁶, так и прямое указание Иордана, что они не «ведают злаков», но питаются «от скота и охоты» (Иордан, 37). Такое описание степняков является своего рода топосом, достаточно его сравнить с характеристикой кочевых народов у Захарии Ритора под 555 г., которые «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (Захария Ритор, Хроника, кн. 12, гл. 7; цит. по: Пигулевская, 2011. С. 595). Поэтому акацир обоснованно считают кочевниками, и, на наш взгляд, их поиски за пределами кочевого мира не оправданы. Нельзя согласиться и с выводами А. Г. Фурасьева, что скифами древние авторы называли в основном оседлые народы Барбарикума (Фурасьев, 2013. С. 187). Приск именно так многократно называет гуннов, как, впрочем, и остальных варваров, при этом выделяет «царских» скифов, это, видимо, «орда» или «улу» самого Атилы. В более поздних текстах эта апелляция переходит на авар. Таким образом, «скифы» у Приска и других позднеантичных авторов – это общее название задунайских/причерноморских дикарей и мало что дает для понимания этногеографии Барбарикума гуннского времени.

Название акацир уже давно сопоставлено с тюркским народом «агачери», т. е. «лесные люди» (Артамонов, 1962. С. 56; Томпсон, 2008. С. 119; Менхен-Хельфен, 2014. С. 411, 412, 418; в этих же трудах подробная библиография), на этом часто обосновывается их языковая принадлежность и реконструкция образа жизни. Впрочем, эта гипотеза также довольно давно оспорена (Артамонов, 1962. С. 56, примечание Л. Н. Гумилева; Менхен-Хельфен, 2014. С. 417, 418). Кстати, а почему это имя должно читаться именно из тюркского, а не других алтайских (монгольский и пр.) или угорских языков? Напомним, что среди степных врагов акацир фигурируют и некие уроги, имя которых нередко воспринимается как «угры». Невольно вспоминается: «Ученые, занимающиеся тюрками, склонны находить их везде. А германисты находят германцев в самых невероятных местах» (Менхен-Хельфен, 2014. С. 370)⁷. И кроме того, а насколько этноним, зафиксированный в какое-то конкретное время, отражает реалии именно этого времени? А может быть, он восходит к гораздо более отдаленным эпохам?⁸

⁶ Для более раннего времени в понтийских степях известны герулы/элуры Алариха, занимавшие топкие места близ Меотийского болота, что хорошо соответствует устью Дона (Иордан, 117, 118). Это подтверждается и археологическими данными, где в районе Танаиса и дельты Дона зафиксировано оседлое население с германским культурным компонентом (Shchukin et al., 2006. P. 59, 72, 73).

⁷ «Тезис о том, что гунны говорили на тюркском языке, имеет долгую историю. Ее ранняя стадия лишена интереса. А последняя все еще продолжается. Полагая как само собой разумеющуюся идентичность гуннов и хунну, некоторые исследователи не сомневаются и не нуждаются в доказательствах того, что гунны говорили на том же языке, что и «восточные» гунны, который они считают тюркским. Следуя такой же логике, норманны, покорившие Англию, должны были говорить на древнескандинавском языке» (Менхен-Хельфен, 2014. С. 387).

⁸ Пример: этноним «русь», «русские», по мнению ряда лингвистов, восходит к финскому – *Ruotsi*, т. е. «гребцы». Возможно, эта апелляция и отражает некие реалии

Обратимся, однако, к археологическим данным. Для гуннского времени в степных древностях Восточной и Центральной Европы выделяются две большие культурные зоны – западная и восточная, последнюю мы предложили условно назвать акацирской. Граница между ними проходит по Днепру. В целом восточная зона охватывает причерноморские степи к востоку от Днепра, Дон, Северное Предкавказье, Крым, степное Поволжье, Урал (*Казанский, Мастыкова, 2009а*. С. 118–121). Понятно, что нелепо было бы отнести все древности этой огромной зоны к акацирам, наверняка она была заселена самыми различными кочевыми народами, в том числе и акацирами, которых логичнее всего в эпоху Аттилы локализовать в понтийских степях к востоку от Днепра и на Дону (см. выше).

Среди отличительных черт восточной зоны следует назвать (*Казанский, Мастыкова, 2009а*, там же библиография):

- надежно документированные погребения по обряду кремации, где присутствуют обожженные человеческие кости (например, Солончанка, Ровное, Новогригорьевка, Новофилипповка);

- большие кострища на древней дневной поверхности или под курганной насыпью, содержащие фрагменты поврежденных огнем вещей, кости животных, в частности лошади и овцы/козы, частично обожженные, а также фрагменты керамики (степное Поволжье, Урал). Сложно сказать, всегда ли здесь идет речь о реальных погребениях, часть этих кострищ может представлять собой остатки поминальной тризны;

- труположения под курганами (Изобильное, Совхоз Калинина, Богачевка, Воздвиженская, Ленинск, Переполовенка, Энгельс-Покровск, Бережновка, Верхне-Погромное, Мертвые Соли и т. д.). К западу от Днепра гуннских курганов пока нет (если не считать таковыми аланские погребения гуннского времени в Бессарабии, на могильнике Кубей);

- захоронения в гротах (Каменная Могила, Кызыл-Адыр) и в каменных склепах античного времени (Крым), возможно, имевших у степняков ту же символическую нагрузку (Беляус, Марфовка, Усть-Альма);

- погребения в деревянных гробах (Ленинск, Энгельс-Покровск, Усть-Альма);

- каменные конструкции в погребениях – вымостки (Новогригорьевка), насыпи (Солончанка);

- труположения головой на восток (Мертвые Соли, Зеленокумск, Изобильное, Богачевка, Усть-Альма, Совхоз Калинина) или запад/юго-запад (Марфовка, Павловка-Сулин); последняя ориентация также имеет параллели в центральноазиатском материале, в частности в Киргизии;

- погребения, содержавшие кости овцы/козы или быка (Переполовенка, Ленинск, Верхне-Погромное, Мелитополь);

- мечи с рукоятями, так называемые персидского/иранского типа (Совхоз Калинина);

VIII–IX вв., если правы лингвисты, которые отстаивают эту модель, но она явно не соответствует Руси последующих столетий.

– предметы женского убора, украшенные зернью (стиль Засецкая 1), очень редкие к западу от Днепра, в том числе колты и диадемы (например, Марфовка, Верхне-Яблочный, Старая Игрень, Мелитополь, Солончанка) (рис. 2: 8, 9). Последние в ряде случаев сопровождаются височными подвесками и пекторальными украшениями (Марфовка, Верхне-Яблочный, Ленинск, возможно, Зеленокумск);

– полихромные украшения, интерпретированные как окончания гривен или иных пекторальных украшений (Марфовка, Ленинск, Зеленокумск). Такие украшения крайне редко встречаются в «западной» зоне.

К 463 г. степи Нижнего Дона занимают оногуры, с которыми, на наш взгляд, связаны такие показательные памятники, как Морской Чулек, Ливенцовский, Ясырев (*Засецкая и др.*, 2007; *Казанский*, 2016; 2020). Нас же интересуют находки на северной окраине степи, от бассейна Дона до Днепра, куда, по нашим представлениям, к 463 г. были вытеснены акациры. Это древности смолинского/позднегуннского горизонта D2/D3 (430/440–460/480 гг.) и шиповского/постгуннского горизонта (430/470–530/570 гг.). На северной окраине днепровско-левобережных и донских степей памятники этого времени единичны. Впрочем, их и в целом для степей гуннского и постгуннского времени немного⁹.

Новая Чигла (рис. 1: *Б1*). Это, пожалуй, наиболее достоверная находка конца гуннского и постгуннского времени в интересующей нас зоне. Она происходит из курганного могильника в Таловском района Воронежской области. В кургане 20 было обнаружено впускное погребение, совершенное в длинной и относительно узкой яме, 0,6 × 1,8 м, углубленной в материк на 0,9 м, с подбоями-нишами полукруглой формы со стороны коротких стенок. На материковом полу ямы находился скелет, вероятно, мужчины¹⁰ 35–44 лет, положенный на спину, головой на ССВ. Руки вытянуты вдоль тулова, а череп с выраженными признаками искусственной деформации был повернут лицевой частью на СЗ (рис. 3: 1). В заполнении ямы найдена серебряная подвеска-медальон округлой формы (рис. 3: 2). В районе шейных позвонков находились украшения, по-видимому, входившие в состав ожерелья, – серебряная плоская лунница, листовидная плоская серебряная подвеска и три бусины: одна биконическая шестигранная из синего стекла и две бипирамидальные янтарные (рис. 3: 3–7). Две бронзовые литые серьги с полиэдрическими окончаниями обнаружены у левой тазовой кости (рис. 3: 8, 9). Серьги были надеты одна на другую и, по всей вероятности, являлись «даром» умершему. В районе пояса находилась железная пряжка с рамкой овальной формы, без щитка (рис. 3: 10). У головы был помещен лепной сосуд вытянутой формы (рис. 3: 11). Обряд погребения и отмеченная

⁹ Мы здесь не рассматриваем находку в Бабичах, на Правобережной Украине (*Гавритухин*, 2004. С. 209, 210; *Казанский*, 2018а. С. 394), так как она скорее тяготеет к зоне расселения болгар над Понтом (см. выше), и вдобавок на территории, занятой не кочевниками, а оседлым населением пеньковской культуры (*Казанский*, 2018б. С. 92, 93). Также по причине близости к зоне расселения болгар мы не рассматриваем захоронения в степной части Днепровского Левобережья, такие как Новогригорьевка, погребение VII.

¹⁰ Половозрастное определение выполнено Марией Всеволодовной Добровольской (ИА РАН). Ею отмечены признаки в строении скелета, типичные как для мужчин, так и для женщин. Предварительная оценка: скелет принадлежит мужчине.

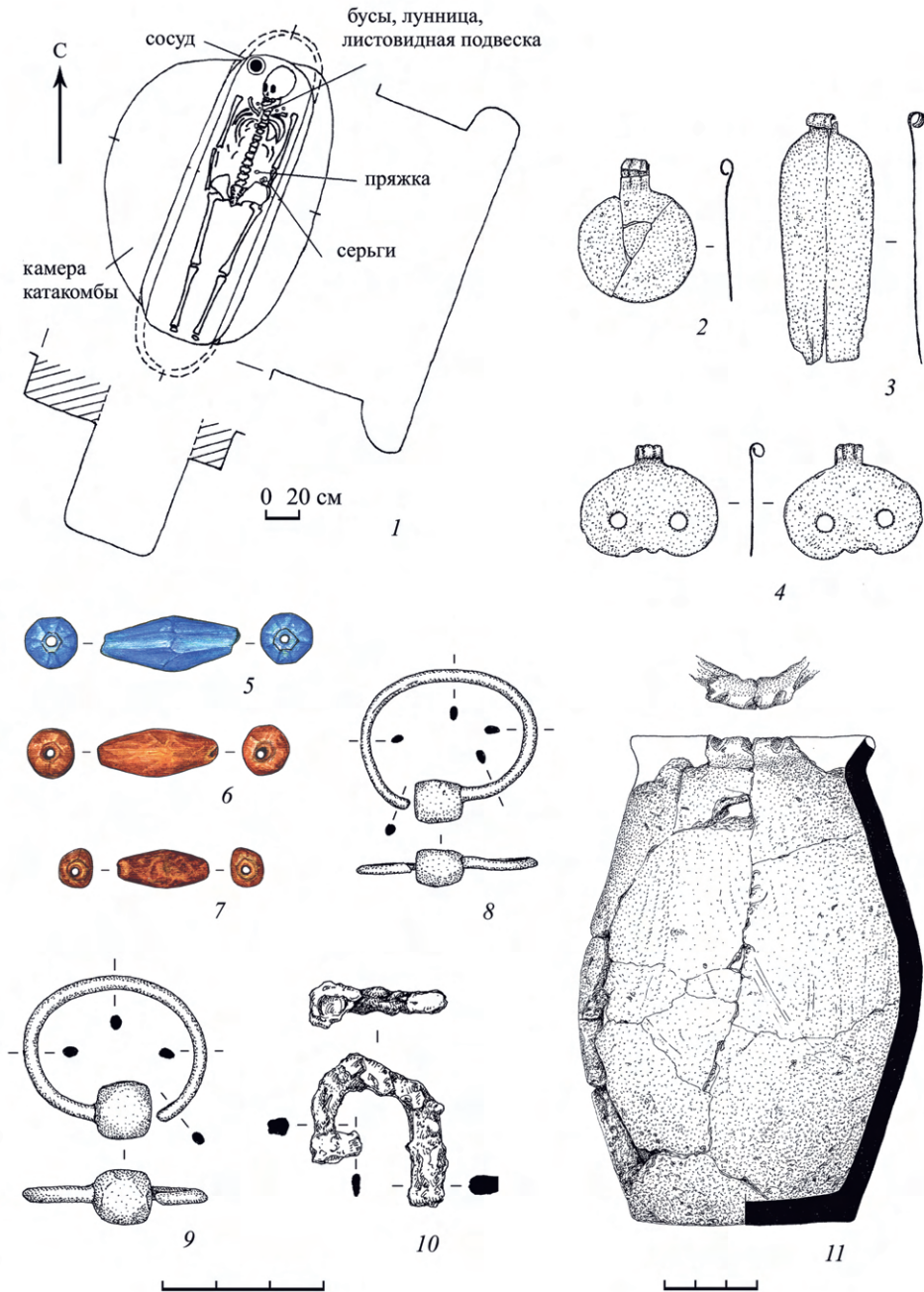

Рис. 3. Новая Чигла, погребение в кургане 20
(по: Березуцкий, Мاستыкова, 2016. Рис. 2; 3)

деформация черепа в целом типичны для степных кочевников гуннского и постгуннского времени. Зато полиэдрические серьги и металлические пластинчатые подвески в ожерелье, крайне редкие у степняков, указывают на контакты с оседлым понтийским населением. Наиболее показательны полиэдрические серьги, очень редко в гуннском и постгуннское время встречающиеся у кочевников (Беляус, Нейзац), зато хорошо известные у оседлого населения Северного Кавказа, Нижнего Дона, Крыма. По сопровождающему инвентарю погребение датируется временем от второй трети V по первую половину VI в., т. е. финальной фазой гуннского и ранней фазой постгуннского времени в степях Восточной Европы (*Березуцкий, Мастыкова, 2016*).

Лихачевка (рис. 1: Б2). Курган 6 этого могильника (Котелевский район, Полтавская обл., бассейн р. Ворскла) содержал впускное погребение-ингумацию, совершенное в берестяном гробу в виде челнока, головой на СВ или СЗЮ. Обнаружены золотые калачевидные серьги у черепа (рис. 4: 5, 6), ожерелье из стеклянных бус в пекторальной части (рис. 4: 7), у локтя правой руки найдена бронзовая ременная гарнитура – пряжки и соединители ремней (по А. М. Обломскому – обувная гарнитура, заупокойный дар) (рис. 4: 1–4), у головы находился сосуд с просом (рис. 4: 8). Над погребением обнаружены зубы лошади и древесный уголь (*Зарецкий, 1888. С. 242; Обломский, 2002. С. 83, 84; 2004*).

Погребение отнесено к постгуннскому времени (*Gorokhovsky, 1992. P. 147; Обломский, 2002. С. 83; 2004; Гавритухин, 2004. С. 209; Комар, 2004. С. 175–177, 181, 190*). Однако пряжки из Лихачевки, послужившие основанием для датировки, вполне могут принадлежать и гуннской эпохе (примеры: *Обломский, 2004. С. 223*). Округлые обоймы пряжек с одной заклепкой, как в Лихачевке (рис. 4: 1), существуют уже в гуннское время, в период D2/D3, в частности в знаменитой могиле Смолин, в Южной Моравии (*L'Or des princes barbares...*, 2000. № 22: 9; *Tejral, 2011. Abb. 279*). Прямоугольные обоймы пряжек с одной заклепкой (рис. 4: 2) также известны в гуннском контексте (ср.: *Засецкая, 1994. Табл. 11.19, 26.10, 11 и т. д.; см. также: Tejral, 2011. Abb. 167: 9–11; 209 и т. д.*). Плоские язычки пряжек, треугольные в сечении, с загнутым концом и прямоугольным выступом у основания, подобные найденным в Лихачевке (рис. 4: 1, 2), отмечены для гуннского времени, например, в Венгрии для периода D2/D3 (430/440 – 460/480 гг.) (*Bóna, 2002. Fig. 151: 1*). Соединительные кольца ременной гарнитуры с тремя обоймами, вроде найденных в Лихачевке (рис. 4: 3, 4), представлены уже в гуннское время, например, в хорошо известной могиле 88 некрополя Лучистое, в Юго-Западном Крыму (*Айбабин, 1999. Табл. 27: 119*). Калачевидные серьги (рис. 4: 5, 6) имеют широкую дату бытования начиная с позднеримского времени (см., напр.: *Мастыкова, 2009. С. 72*). Таким образом, могила в Лихачевке может оказаться гуннской по времени (*Засецкая и др., 2007. С. 110*) и принадлежать, если судить по пряжкам с овальным щитком, смолинскому горизонту, т. е. периоду D2/D3. Как мы могли убедиться, именно в эту эпоху акациры и оттесняются на север.

Константиноград (рис. 1: Б3). Характер находок из Константинограда (ныне Красноград, районный центр в Харьковской обл., бассейн Северского Донца) остается неясным. Найденные здесь элементы поясной гарнитуры, пряжки и ременной наконечник отнесены к постгуннскому времени (*Gorokhovsky, 1992. P. 147;*

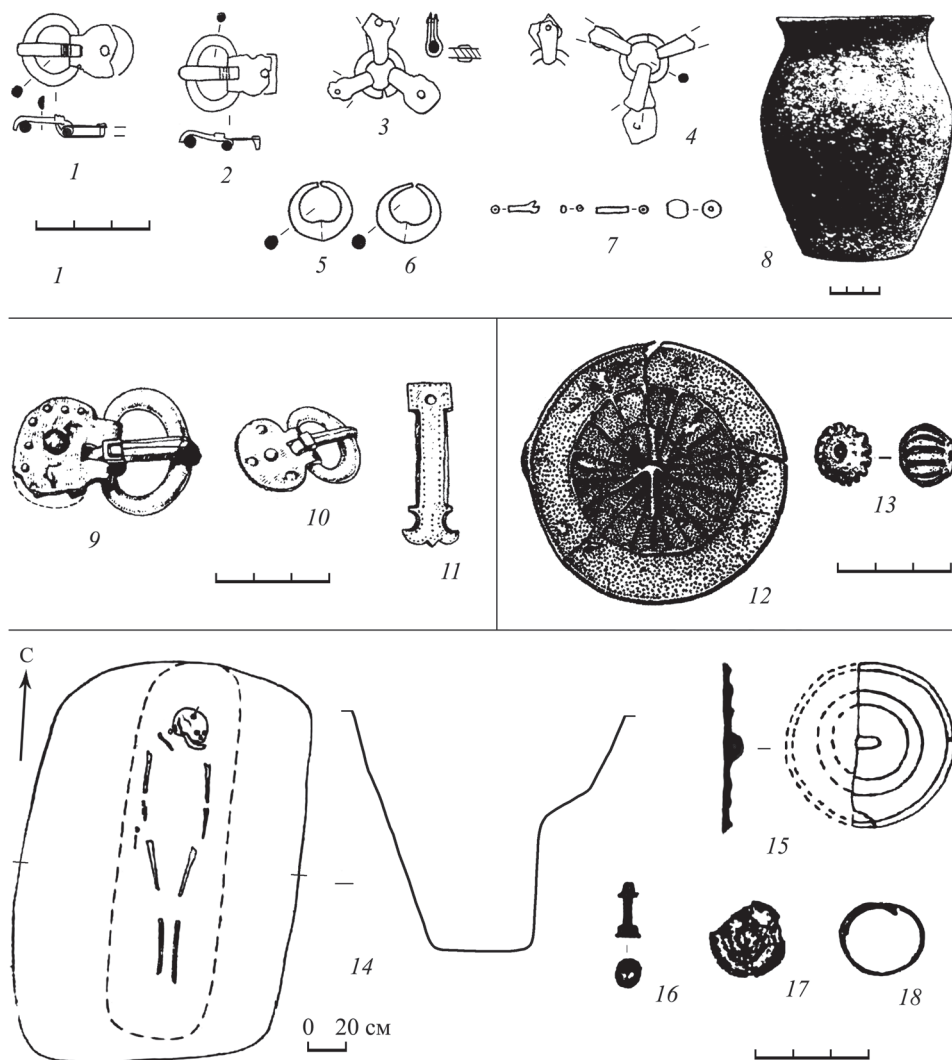

Рис. 4. Находки из погребений позднегуннского и постгуннского времени

1-8 – Лихачевка, курган 6; 9-11 – Константиноград; 12, 13 – Студенец; 14-18 – Подклетное, курган 27 (1-8 – по: *Обломский*, 2002. Рис. 94: 1-5, 8, 11; 9-11 – по: *Комар*, 2004. Рис. 3: 2, 3, 23; 12, 13 – по: *Медведев*, 2008. Рис. 16: 7, 8; 14-18: по: *Медведев*, 1990. Рис. 5: 1, 1-4)

Комар, 2004. С. 177; Гавритухин, 2004. С. 211; 2007. С. 32). Но пряжки (рис. 4: 9, 10), обычно датируемые по аналогии с Лихачевкой, могут принадлежать и к более раннему, гуннскому, времени, поскольку они были синхронизированы с погребением в Смолине (Gorokhovskiy, 1992)¹¹. Пряжка с овальным кольцом и множественными заклепками по краю (рис. 4: 9) имеет параллели в Муслюмово, на Урале (Засецкая, 1994. Табл. 44: 3), но там представлена более архаичная форма щитка и язычка. Есть такие пряжки и позднее, в Смолине (L'Or des princes barbares..., 2000. N° 22: 7; Tejral, 2011. Abb. 279) и в Белграде, в контексте второй трети V в., т. е. периода D2/D3 (Tejral, 1988. Abb. 34: 10). Вероятно, эти две находки и следует принять в качестве опорных для датировки пряжки из Константинограда.

Наконечник ремня (рис. 4: 11), по И. О. Гавритухину, может быть датирован первой половиной VI в. и сопоставляется с наконечником из Бабичей. Впрочем, последний представляет собой довольно отдаленную аналогию как по общей морфологии, так и по оформлению окончания. Он скорее напоминает понто-кавказские наконечники гуннского времени (Малашев, 2000. С. 210), где, кстати, как в Бабичах и Константинограде, иногда имеется выделенная площадка для заклепки (см., напр.: Там же. Рис. 13: E2) – хронологический признак, по И. О. Гавритухину. Эти понто-кавказские наконечники гуннского времени с окончанием в виде полумесяца, по А. В. Комару, являются прототипами для изделия из Константинограда (Комар, 2004. С. 183). Видимо, к числу прототипов могут относиться и подвески конского убора из клада гуннского времени в Качине, на Вольни (Tejral, 2011. Abb. 127: 1–3, 5, 6). А. В. Комар отметил сходство окончания константиноградского наконечника с декором щитков пряжек Дюрсо, в частности в погребении 259, третьей фазы могильника (Комар, 2004. С. 183). Эта фаза относится, по нашему мнению, к последней трети V – первой трети VI в. (Казанский, 2001. С. 52). Еще одна интересная параллель – декор на некоторых пряжках постгуннского времени в лесной зоне (ср.: Ахмедов, 2014. Рис. 7: 5, 6, 8; 8: 7).

С учетом всего вышесказанного находки из Константинограда могут быть отнесены как к смолинскому горизонту, так и к началу шиповского горизонта, т. е. приблизительно к середине V в.

Подклетное (рис. 1: Б4). В кургане 27 могильника Подклетное (Семилукский район Воронежской обл., западнее Воронежа) выявлено впускное погребение. Это яма «с заплечиками», в ней была совершена ингумация, головой на ССВ (рис. 4: 14). В состав инвентаря входит зеркало (рис. 4: 15), проволочное височное кольцо (рис. 4: 18), бронзовые элементы головного убора (рис. 4: 16, 17) (Медведев, 1990. С. 14. Рис. 5: 1–4).

Е. Л. Гороховский отнес это погребение к постгуннскому времени, но свою датировку не аргументировал (Gorokhovskiy, 1992. P. 147). По А. В. Комару, данное погребение узко не датируется, но серьга с несомкнутыми концами, как он

¹¹ По И. О. Гавритухину, такие пряжки бытуют и позднее, вплоть до конца VI в., в качестве доказательства цитируется Клин-Яр, погребение 357. Однако в публикации данной могилы мы похожих на Константиноград пряжек не обнаружили (Belinskij, Härke, 2018. Fig. 110: D4).

считает, все же относится к сарматскому времени, аргументация опять не приведена (Комар, 2004. С. 174.). На наш взгляд, определяющим для даты этого захоронения является зеркало типа Карповка – Анке-4 (рис. 4: 15), с центральной петлей и декором в виде двух рельефных концентрических кругов (Werner, 1956. S. 22, 23; Anke, 1998. S. 26, 27). Такие зеркала появляются в позднеримское время в северокавказском регионе, при этом изредка попадают и довольно далеко на север, в Среднее Поволжье. Зеркала с двумя (или тремя) кругами более всего характерны для гуннского и постгуннского времени, т. е. 360/370–470/480 гг. и соответственно 430/470–530/570 гг. Они концентрируются в западной части северокавказского региона, на Боспоре и в Юго-Западном Крыму и чаще всего встречаются на памятниках оседлого населения (например, Дюрсо, Пашковский, Сопино, Керчь, Джурга-Оба, Карши-Баир и др.), хотя попадают и к кочевникам (Михаэльсфельд, Новопокровка, Пухляковский) (Мастыкова, 2022, в печати). В гуннское и постгуннское время зеркала типа Карповка засвидетельствованы и у оседлого населения Верхнего Дона (Мухино, Ксизово-8 и 19, Стаево-4 и 5). Подобные зеркала встречаются и позднее вплоть до салтовского времени, но пик их распространения все же приходится на гуннское и особенно постгуннское время. Данные изделия связаны с материальной культурой оседлого населения понто-кавказского региона, откуда в гуннское и постгуннское время они и попадают на Верхний Дон (из последних работ: Мастыкова, 2016; 2020, там же библиография; 2022. С. 85–91). Это позволяет предварительно отнести погребение к интересующей нас эпохе конца гуннского и начала постгуннского периодов.

Студенец (рис. 1: Б5). В Аннинском районе Воронежской области, на реке Битюг, было выявлено разрушенное погребение, из него происходит металлическое зеркало и ребристая бусина из так называемого египетского фаянса (Медведев, 2008. С. 27. Рис. 16: 7, 8). Зеркало представляет собой дериват изделий типа Медлинг – Анке-5 (рис. 4: 12). Это, на наш взгляд, довольно разнородная группа зеркал с центральной петлей и радиальными рельефными линиями, распространенная от Северного Кавказа до Среднего Дуная (Werner, 1956. S. 22; Anke, 1998. S. 27). Они представлены в гуннское время, в частности в детском погребении в Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) в Нижней Австрии (Werner, 1956. Taf. 48: 12; Anke, 1998. Taf. 2: 6) и в погребении в Мёдлинге (Mödling) (Werner, 1956. Taf. 45: 2; Anke, 1998. Taf. 12: 6). Деградированная форма происходит из погребения 38 некрополя Виминациум (*Viminacium*), оно датировано фазой В этого некрополя, т. е. серединой – второй половиной V в. (Ivanišević et al., 2006. P. 34. Pl. 6: 38.11; Fig. 42: 6). Еще одно постгуннское погребение с таким зеркалом известно на Северном Кавказе, в могильнике Лермонтовская скала 1, погребении 5, с характерными для того периода фибулами (Мастыкова, 2009. Рис. 95: 1. Табл. 136: 8). Зеркало из Студенца представляет собой дериват этой группы, оно имеет широкое неорнаментированное поле по краю. Ребристая бусина из фаянса (рис. 4: 13) напоминает находку из Айвазовского в Юго-Восточном Крыму, предположительно постгуннского времени (ср.: Казанский, 2020. Рис. 8: 13).

Погребальный обряд вышеперечисленных памятников в целом обычен для степных кочевников гуннского и постгуннского времени. Это ингумации в курганах, в ямах, иногда со ступенями и подбоями. Ориентировка погребенных

головой на север, с отклонениями к востоку (Новая Чигла, Лихачевка, Подклетное) хорошо представлена в гуннское и в постгуннское время. Находки костей лошади (Лихачевка) также обычны для степняков (Казанский, 2020. С. 93, 94). Использование бересты для прикрытия покойника в захоронениях изредка фиксируется в постгуннское время (Обломский, 2002. С. 84). Наконец, искусственная деформация головы у погребенного в Новой Чигле восходит к обычаю, засвидетельствованному в кочевническом контексте гуннского и постгуннского времени (Казанский, 2020. С. 96).

* * *

Итак, серия находок, по всей вероятности связанная с кочевниками, зафиксирована для гуннского и постгуннского времени на северной периферии степи от бассейна Дона до Днепровского Левобережья¹², где есть все основания в это время локализовать акацир. Их очень немного, что в целом соответствует общей археологической ситуации в степи в это время. Здесь уместно вернуться к гипотезе А. Г. Фурасьева, согласно которой объединение акацир включало и оседлые группы варваров, пограничных со степью, прежде всего население Верхнего Дона, и носителей рязано-окской культуры (Фурасьев, 2013. С. 193, 194). Это предположение нам кажется вполне вероятным. Такого рода политические образования оседлого населения на границе степи, сохранявшие свою внутреннюю автономию и своих вождей, но подчиненные сильным кочевым союзам, хорошо известны в истории Великого переселения народов и для гуннского времени фиксируются археологически (подробнее: Казанский, Мастыкова, 2009б. С. 245–247). Что касается конкретно оседлого населения Верхнего Дона и рязано-окской культуры, то в обоих случаях выявляются археологические признаки существования местных правящих элит, которые и были в первую очередь заинтересованы в военном союзе с гуннами/акацирами. Речь идет об известной «княжеской могиле» в Мухино и «вождеском» погребении могильника Животинное на Верхнем Дону, и о захоронениях воинских предводителей на памятниках рязано-окской культуры (Там же. С. 242, 244, 247). Дальнейшие исследования подтвердят или опровергнут эту гипотезу.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 150 с.
Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.: Изд-во ГЭ. 524 с.
Ахмедов И. Р., 2014. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 138–177 (ПСМ; вып. 15.)

¹² Мы не принимаем во внимание памятники, явно принадлежавшие оседлому населению, такие как могильник Животинное на Верхнем Дону или же самое позднее погребение на черняховском могильнике Сумы-Сад с полиэдрическими серьгами, не характерными для кочевников.

- Березуцкий В. Д., Мاستыкова А. В.*, 2016. Погребение эпохи Великого переселения народов на Левобережье Среднего Дона // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 219–243.
- Гавритухин И. О.*, 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 208–220.
- Гавритухин И. О.*, 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 30–33. (ПСМ; вып. 9.)
- Джасксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.*, 2007. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур: Знак. 360 с.
- Зарецкий И. А.*, 1888. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. 2. Харьков: Тип. Губ. Правл. С. 229–246 (2-я паг.)
- Засецкая И. П.*, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс. 222 с.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.*, 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во ГЭ. 212 с.
- Иванов А. А.*, 2001. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. № 2. С. 119–121.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.
- Казанский М. М.*, 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир: Армавирский краеведческий музей. С. 41–58.
- Казанский М. М.*, 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 45–137. (ПСМ; вып. 15.)
- Казанский М. М.*, 2016. Оногуры в постгуннское время на Дону // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: Научная книга. С. 96–111.
- Казанский М. М.*, 2018а. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // *Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom.* Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet. P. 393–408.
- Казанский М. М.*, 2018б. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // SP. № 4. С. 83–118.
- Казанский М. М.*, 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь: Соло-Рич. С. 90–167.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.*, 2009а. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. и авт. предисл. А. Г. Фурасьев. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ. С. 114–126.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.*, 2009б. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. С. 225–251.
- Комар А. В.*, 2004. Курганы и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академперіодика. С. 169–200.
- Кропоткин В. В.*, 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука. 280 с. (САИ; вып. Д1–27.)
- Круглов Е. В.*, 2021. О бронзовом котле «гуннского типа» обнаруженном у восточного берега Цимлянского водохранилища // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14. Ставрополь: Графа. С. 111–137.
- Латышев В. В.*, 1890. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 946 с.
- Малашев В. Ю.*, 2000. Периодизация ремесленных изделий позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232 (Материалы и исследования по археологии Дона.)

- Мастыкова А. В.*, 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Мастыкова А. В.*, 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж: Научная книга С. 241–254.
- Мастыкова А. В.*, 2020. Зеркала типа Карповка – Анке-4 на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье: происхождение, распространение, датировка // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ. С. 389–391.
- Мастыкова А. В.*, 2022. Металлические зеркала с поселения Стаево // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История. С. 85–94, 436–442. (PCM; вып. 21.)
- Медведев А. П.*, 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 220 с.
- Медведев А. П.*, 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 220 с.
- Менхен-Хельфен О.*, 2014. История и культура гуннов. М.: Центрполиграф. 479 с.
- Обломский А. М.*, 2002. Днепровское Лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время. М.: Наука. 255 с. (PCM; вып. 5.)
- Обломский А. М.*, 2004. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 221–227.
- Обломский А. М.*, 2014. Карта Скифии по «Гетике» Иордана // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 13–25 (PCM; вып. 15.)
- Пигулевская Н. В.*, 2011. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин. 832 с.
- Подосинов А. В.*, 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, переводы, комментарий. М.: Индрик. 488 с.
- Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
- Прокопий Кесарийский.* Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступит. ст. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб.: Алетея, 2001. С. 261–342.
- Ромашов С. А.*, 2001. Историческая география Хазарского Каганата (V–XIII вв.) // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Т. 11 (2000–2001). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. С. 219–338.
- Томпсон Э. А.*, 2008. Гунны. Грозные воины степей. М.: Центрполиграф. 256 с.
- Фурасьев А. Г.*, 2013. Акациры – соседи эстив // АСГЭ. Вып. 39. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 185–196.
- Althem F.*, 1952. *Attila et les Huns*. Paris: Payot. 230 p.
- Anke B.*, 1998. *Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts*. Weissbach: Beier & Beran. 2 Teile (222 S. + 156 S., 139 Taf.)
- Belinskij A. B., Härke H.*, 2018. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn: Habelt. 416 p., 7 pl.
- Bóna I.*, 2002. *Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles*. Paris: Errance. 240 p.
- Gorokhovskiy E.*, 1992. *The Nomads of the South-East Europe t the Beginning of the Middle Age // Medieval Europe 1992. Vol. 4. Death and Burial*. York: Medieval Europe 1992. P. 145–150.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.*, 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations*. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. 351 p. (Monographies; 22.)
- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C.*, 2000. Paris: Réunion des musées nationaux. 224 p.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.*, 2006. *Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas – Empire et à l'époque des Grandes Migrations*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR – International Series 1535).

- Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // *Archaeologia Austriaca*. Bd. 72. S. 223–304.
- Tejral J., 2011. *Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno. 466 S.
- Werner J., 1956. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 2 Teile (140 S. + 75 Taf.)

Сведения об авторах

Казанский Михаил Михайлович, Национальный центр научных исследований, UMR 8167 «Восток и Средиземноморье», rue de cardinal Lemoine, 52, Париж, 75005, Франция; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com;

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, проспект Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Россия; e-mail: amastykova@mail.ru

M. M. Kazanski, A. V. Mastykova

THE ACATZIRI: NORTHERN BORDERLANDS
OF THE NOMADIC STEPPE AFTER ATILA

Abstract. Acatziri: northern borderlands of the nomadic steppe after Attila. The article deals with the geographical localization of the Hunnic people Acatziri (Ἀκατζίριον, gens Acatzirorum) in the Great Migration Period. In the era of Attila, in the 440s, this people lived in the eastern part of the steppes of the Northern Black Sea region, most likely in the basin of the Lower Don. Subsequently, around 463, as a result of the war with the Saraguri, Onoguri and Urogi (Uguri), the Acatziri were pushed northward, to the outskirts of the steppe in the basin of the Upper and Middle Don and on the left bank of the Dnieper. For the Late Hunnic and Post-Hunnic periods, single burials under the mounds, typical of the steppe nomads of that time, are known here. Apparently they are the archaeological traces of Acatziri. The written sources describe the Acatziri as a strong people (fortissimo gens). Most likely, this means that the Acatziri were able to unite in their union not only nomads, but also the sedentary Barbarians of the Upper Don and the Oka basins.

Keywords: Acatziri, Huns, Hunnic and post-Hunnic periods, Great Migration Period, nomads.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2014. Nekotorye indikatory kul'turnykh vzaimodeystviy v drevnostyakh ryazano-okskikh finnov vtoroy poloviny V – nachala VI v. [Some indicators of cultural interactions in antiquities of the Ryazan-Oka Finns in second half of V – beginning of VI c.]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Migration period]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 138–177 (RSM, 15.)
- Artamonov M. I., 1962. *Istoriya khazar [History of the Khazars]*. Leningrad: GE. 524 p.
- Aybabin A. I., 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of Early Byzantine Crimea]*. Simferopol: Dar. 150 p.

- Berezutskiy V. D., Mastykova A. V., 2016. Pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniya narodov na Levoberezh'e Srednego Dona [The grave on the left bank of the Middle Don dated to the Migration period]. *KSlA*, iss. 245, part 1, pp. 219–243.
- Dzhakson T. N., Kalinina T. M., Konovalova I. G., Podosinov A. V., 2007. «Russkaya reka». Rechnye puti Vostochnoy Evropy v antichnoy i srednevekovoy geografii [«Russian River». River routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval geography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur: Znak. 360 p.
- Furas'ev A. G., 2013. Akatsiry – sosedi estiev [The Acatziri – neighbours of the Aestii]. *ASGE*, 39. St. Petersburg: GE, pp. 185–196.
- Gavritukhin I. O., 2004. Srednedneprovskie ingumatsii vtoroy poloviny V–VI vv. [Middle Dnieper inhumations of the second half of V–VI cc.]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e* [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region at the end of Roman times and Early Middle Ages]. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 208–220.
- Gavritukhin I. O., 2007. Ingumatsii, svyazannye s kul'turoy osedlogo naseleniya i otdel'nye nakhodki postgunnskogo vremeni [Inhumations related with culture of settled population and individual finds of post-Hunnic period]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e.* [Eastern Europe in the middle of I millennium AD]. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 30–33. (RSM, 9.)
- Jordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov (Getica) [Jordan. The origin and deeds of the Getae (Getica)]. E. Ch. Skrzhinskaya, transl., ed. St. Petersburg: Aletyya, 2001. 508 p.
- Ivanov A. A., 2001. Kompleks gunnskogo vremeni iz del'ty Dona [The Hun time complex from the Don Delta]. *RA*, 2, pp. 119–121.
- Kazanskiy M. M., 2001. Khronologiya nachal'noy fazy mogil'nika Dyurso [Chronology of the initial phase of Dyurso cemetery]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and Archaeological miscellany], 7. Armavir: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 41–58.
- Kazanskiy M. M., 2014. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'e v VII v. [Archaeological situation in Middle Dnieper region in VII c.]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Migration period]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–137. (RSM, 15.)
- Kazanskiy M. M., 2016. Onogury v postgunnskoe vremya na Donu [Onogurs in post-Hunnic time on the Don]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e»* [Divnogorye collection: proceedings of the museum-reserve «Divnogorye»], 6. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 96–111.
- Kazanskiy M. M., 2018a. Pogrebeniya i «pominal'niki» voinskikh predvoditeley post-gunnskogo vremeni v pontiyskikh stepyakh [Burials and «memorials» of military leaders of post-Hunnic period in Pontic steppes]. *Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér.* A. Korom, ed. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, pp. 393–408.
- Kazanskiy M. M., 2018b. Prestizhnye nakhodki i tsentry vlasti postgunnskogo vremeni v Podneprov'e [Prestigious finds and centers of power of post-Hunnic period in the Dnieper region]. *SP*, 4, pp. 83–118.
- Kazanskiy M. M., 2020. Drevnosti stepnykh kochevnikov postgunnskogo vremeni (seredina V – seredina VI v.) v Vostochnoy Evrope [Antiquities of steppe nomads of post-Hunnic period (mid V – mid VI c.) in Eastern Europe]. *MAIET*, XXV, pp. 90–167.
- Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2009a. «Tsarskie» gunny i akatsiry [«Royal» hunns and Acatziri]. *Gunny, goty, sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem* [Huns, Goths, Sarmatians between Volga and Danube]. A. G. Furas'ev, ed. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, pp. 114–126.
- Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2009b. Kochevye i osedlye varvary v Vostochnoy Evrope v gunnskuyu epokhu [Nomadic and settled barbarians in Eastern Europe during the Hunnic period]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e»* [Divnogorye collection: proceedings of the museum-reserve «Divnogorye»], 1. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 225–251.
- Komar A. V., 2004. Kutrigury i utigury v Severnom Prichernomor'e [Kutrigurs and Utigurs in North Pontic region]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdea collection]. Kiev; Sudak: Akadempriodika, pp. 169–200.
- Kropotkin V. V., 1970. Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Imported Roman products in Eastern Europe (II c. BC – V c. AD)]. Moscow: Nauka. 280 p. (SAI.)

- Kruglov E. V., 2021. O bronzovom kotle «gunnskogo tipa» obnaruzhennom u vostochnogo berega Tsimlyanskogo vodokhranilishcha [On a bronze cauldron of «Hun type» found near the eastern bank of the Tsimlyansk reservoir]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [From the cultural history of peoples of the North Caucasus]*, 14. Stavropol: Grafa, pp. 111–137.
- Latyshev V. V., 1890. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze [Ancient authors' records concerning Scythia and the Caucasus], I. Grecheskie pisateli [Greek authors]. St.Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 946 p.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]*. Yu. K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232 (Materialy i issledovaniya po arkhologii Dona.)
- Mastykova A. V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus piedmont in late IV – mid VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.
- Mastykova A. V., 2016. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovaniy saltovo-mayatskoy kul'tury Srednego Dona [Mirrors of Karpovka type: on formation of the Saltovo-Mayatskaya culture on Middle Don]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e» [Divnogorye collection: proceedings of the museum-reserve «Divnogorye»]*, 6. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 241–254.
- Mastykova A. V., 2020. Zerkala tipa Karpovka – Anke-4 na Severnom Kavkaze i v Severnom Prichernomor'e: proiskhozhdenie, rasprostranenie, datirovka [Mirrors of Karpovka – Anke-4 type in North Caucasus and North Pontic region: origin, distribution, dating]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya [Archaeological heritage of the Caucasus: topical problems of study and preservation. XXXI Krupnov readings]*. M. S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev", pp. 389–391.
- Mastykova A. V., 2022. Metallicheskie zerkala s poseleniya Staevo [Metal mirrors from settlement Staevo]. *Torgovo-remeslenny kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkhologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya [Trade and craft complex near village Staevo in upper reaches of the Voronezh River (late V – VII cc.) and some problems of archeology of Upper Don region in Early Middle Ages]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Peterburg: Nestor-Istoriya, pp. 85–94, 436–442 (RSM, 21)
- Medvedev A. P., 1990. Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya) [Sarmatians and forest-steppe (on materials of Don basin)]. Voronezh: Voronezhskiy universitet. 220 p.
- Medvedev A. P., 2008. Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa [Sarmatians in Tanais upper reaches]. Moscow: Taus. 220 p.
- Menkhen-Helfen O., 2014. Istoriya i kul'tura gunnov [History and culture of the Huns]. Moscow: Tsentrpoligraf. 479 p.
- Oblomskiy A. M., 2002. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya [Dnieper Left bank forest-steppe in Late Roman and Hunnic times]. Moscow: Nauka. 255 p. (RSM, 5.)
- Oblomskiy A.M., 2004. Rannesrednevekovoye trupopolozheniye u s. Likhachevka Poltavskoy oblasti [Early medieval inhumation burial near village Likhachevka, Poltava Region]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'ye [Cultural transformations and mutual influence in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages]*. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, pp. 221–227.
- Oblomskiy A. M., 2014. Karta Skifii po «Getike» Iordana [Map of Scythia according to Jordan's «Getica»]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of population of Eastern Europe in Migration period]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 13–25 (RSM, 15.)
- Pigulevskaya N. V., 2011. Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya: Issledovaniya i perevody [Syrian medieval historiography: studies and translations]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 832 p.
- Podosinov A. V., 2002. Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii: teksty, perevody, kommentariy [Eastern Europe in Roman cartographic tradition: texts, translations, commentary]. Moscow: Indrik. 488 p.

- Procopius of Caesarea, 1950. *Voyna s gotami* [The Gothic War]. S. P. Kondrat'ev, transl. Moscow: AN SSSR. 516 p.
- Procopius of Caesarea, 2001. *Taynaya istoriya* [Secret History]. *Prokopiya Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* [Procopius of Caesarea. The Persian War. The Vandal War. Secret History]. A. A. Chekalova, transl., ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 261–342.
- Romashov S. A., 2001. Istoricheskaya geografiya Khazarskogo Kaganata (V–XIII vv.) [Historical geography of Khazar Khaganate (V–XIII cc.)]. *Archivum Eurasiae Medii Aevi, 11 (2000–2001)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 219–338.
- Tompson E. A., 2008. *Gunny. Groznye voiny stepey* [The Huns. Formidable warriors of the steppes]. Moscow: Tsentropoligraf. 256 p.
- Zaretskiy I. A., 1888. *Zametka o drevnostyakh Khar'kovskoy gubernii Bogodukhovskogo uезда slobody Likhachevki* [A note on antiquities of Kharkov province, Bogodukhovskiy district in Likhachevka settlement]. *Khar'kovskiy sbornik [Kharkov collection], 2*. Kharkov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, pp. 229–246 (2nd pag.)
- Zasetskaya I.P., 1994. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.)* [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV – V cc.)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 222 p.
- Zasetskaya I.P., Kazanskiy M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S., 2007. *Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu* [Morskoy Chulek. Burials of aristocracy from Azov Sea region and their position in history of tribes of North Pontic zone in post-Hun epoch]. St. Petersburg: GE. 212 p.

About the authors

Kazanski Michel M., Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», 52, rue du cardinal Lemoine, Paris, 75005, France; V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com;

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation; e-mail: amastykova@mail.ru